

А. П. САЛЬКОВ

**АЛБАНО-ГРЕЧЕСКИЙ ТЕРРИТОРИАЛЬНЫЙ СПОР
В СЕВЕРНОМ ЭПИРЕ И СОВЕТСКИЕ ИНТЕРЕСЫ
В ЗАПАДНО-БАЛКАНСКОМ РЕГИОНЕ
(1921—1941 гг.)**

На балканском побережье Ионического моря с середины XIX в. И вплоть до полного завершения Версальского урегулирования развивался затяжной албано-греческий территориальный спор за обладание исторической областью Северный Эпир (Южная Албания). Он был тесно связан с развитием освободительной борьбы этих народов против османского владычества и разными условиями государственного строительства в Греции и Албании [подробней см. 12, с. 199—213]. После Первой мировой войны, которая на время устранила на Балканах германо-австрийское влияние и вывела из игры Россию, в этой части Европы «образовался вакуум, в который поочередно хлынуло французское и итальянское влияние при сравнительно пассивной политике Англии». Однако она продолжала «проявлять интерес к восточному побережью Адриатики, противодействуя проискам Италии в Албании» [2, л. 31].

Советское руководство и дипломатия, находившиеся в состоянии международной изоляции, не могли влиять на указанные события. Они имели адекватные представления о процессах, проходивших вокруг Албании. Так, в резолюции Второй Балканской коммунистической конференции (София, май 1921 г.) упоминалась Албания с ее «привидной ((болгаризм), то есть кажущейся. — А. С.) самостоятельностью». Шестая Балканская конференция (Москва, ноябрь 1923 г.) в резолюции о национальных меньшинствах в Греции прямо указывала на албанцев в Эпире. Компартии Греции предписывалось «прокламировать право наций на самоопределение». Это право, в свою очередь, должно было «дать компактно проживающим национальным меньшинствам право отделиться от Греции» [10, док. 1, с. 15; док. 101, с. 171—172]. Первый секретарь советского полпредства в Австрии Д. В. Богомоллов в сообщении в Москву в январе 1924 г. предвидел политический кризис в Албании.

Салькоў Анатоль Пятровіч — загадчык кафедры гісторыі паўднёвых і заходніх славян Беларускага дзяржаўнага ўніверсітэта, кандыдат гістарычных навук, дацэнт

Однако он указывал на малую вероятность альянса внутри оппозиционных сил, представленных либералами и консерваторами, за которыми стояли, соответственно, православные и мусульманские слои населения. Объяснение этому виделось в том, что «вековая роль мусульман в Албании <...> сводилась в буквальном смысле слова к вырезыванию всех христиан, особенно православных (два последних слова в документе зачеркнуты чернилами. — А. С.)» [10, док. 110, с. 185—186].

Советский полпред в Турции Я. З. Суриц отмечал в аналитической записке о взаимоотношениях балканских государств от 23 января 1925 г.: «соприкасательство с Италией проходило по линии вопроса об Албании. Греция претендовала на южную часть Албании (то есть на Северный Эпир. — А. С.). Сербия претендовала на северную часть Албании, прилегающую к Адриатическому морю». Вместе с тем советский полпред в Греции А. М. Устинов делал (10 января 1925 г.) неутешительный вывод: об Албании «мы фактически знаем еще меньше, чем о Югославии», хотя там сталкиваются интересы Греции, Королевства СХС, Италии, США. «Что делается вокруг албанской нефти, нам неизвестно» [11, примеч. 2 к док. 168, с. 330; док. 174, с. 341].

В среде же албанских политиков бытовала уверенность, что именно денонсация Советской Россией тайного Лондонского договора 1915 г. помогла восстановлению независимости и сохранению территориальной целостности Албании. Неудивительно, что когда в феврале 1924 г. в албанском парламенте предложили почтить память умершего президента США В. Вильсона, то единодушно было принято и предложение лидера общества «Башкими» («Единение») Авни Рустеми, который выступал за проведение демократических реформ, воздать должное и В. И. Ленину как защитнику интересов Албании. В апреле в Рустеми стрелял наемный убийца. Похороны состоялись в южно-албанской Влёре, после чего город стал центром готовящегося народного восстания. Уже 10 июня 1924 г. отряды восставших вошли в Тирану. Революционное правительство возглавил недавний эмигрант, глава албанского патриотического общества в США «Ватра» («Очаг»), православный епископ Дурреса Теофан (Фан) Стилиан Ноли (был

рукоположен в священники с правом отправления литургии на албанском языке в 1908 г. в нью-йоркском соборе св. Николая архиепископом Русской церкви в Америке, чем был оформлен разрыв албанской православной церкви в Бостоне с Константинопольской патриархией. Однако ему не удалось реализовать программу радикальных реформ и выйти из дипломатической изоляции [14, с. 45, 116—117].

Один лишь СССР выражал согласие признать Албанию, которая, по словам наркома иностранных дел Г. В. Чичерина, могла представлять интерес «как территориальная база для нашей политической акции на Балканах», а также имела значение «наблюдательного пункта на Балканах и возможной базы для нашей работы». Практические шаги в этом направлении в июле — августе 1924 г. были остановлены из-за бурной негативной реакции из Лондона и Парижа, с которыми албанский кабинет решил проконсультироваться. Не зная о закулисной стороне дела, Чичерин лично обращается к Тиране. Поэтому находившийся в октябре в Риме Ф. Ноли встретился не только с итальянским премьер-министром Б. Муссолини, но и с советским полпредом К. К. Юреневым [11, док. 37, с. 85—86; док. 39, с. 88; док. 44, с. 94; док. 67, с. 128; док. 83, с. 149; док. 90, с. 163—165]. Это вызвало истерику в британской прессе и вынудило Ноли отложить обсуждение вопроса об установлении дипломатических отношений с СССР. Однако его директива на сей счет запаздывает, и 16 декабря советское полпредство во главе с А. А. Краковецким прибывает в Тирану. (Следует отметить, что благоприятный момент был упущен из-за трехмесячных проволочек и бюрократических процедур в Москве, в преодоление которых и их последующий разбор были вовлечены Г. В. Чичерин, Л. М. Каганович, И. В. Сталин) [11, док. 144, с. 286—287; док. 168, с. 329—330]. В тот же день поздно вечером албанское правительство решает принять полпредство. Буквально на следующий день, 17 декабря, последовали резкие протесты из Лондона, Рима и Белграда, которые имели характер ультиматума и шантажа: если советский дипломат останется в Тиране, никто не будет мешать уже начавшемуся с югославской территории вторжению отрядов бывшего албанского премьер-министра Ахмета Зогу. В тот же день правительство попросило советское полпредство покинуть Албанию, что и произошло 18 декабря [11, док. 158, с. 310—311; док. 164, с. 323].

Однако это не спасло правительство Ф. Ноли. 24 декабря 1924 г. части А. Зогу совместно с югославскими войсками и отрядами врангелевцев заняли Тирану, подавив буржуазно-демократическую революцию. Бежавшие члены кабинета Ноли были приговорены к смертной казни, но в Москве сочли «нецелесообразным и нежелательным предоставление местопребывания правительству Фаноли (так в документе. — А. С.) в Одессе». Греческое правительство его «приютило как в Эпире, так и в Македонии» [11, док. 151, с. 296—297; док. 165, с. 326; док. 175 и примеч. 2, с. 346]. В Албании установилась диктатура Зогу, который вскоре

вновь стал премьер-министром, а в 1928—1939 гг. под именем Зогу I Скандербег III являлся «королем албанцев».

События в Албании обусловили сильную обеспокоенность в Европе, тем более что они вызвали живой отклик в Коминтерне — приход к власти Фана Ноли был безоговорочно поддержан, а его свержение привело к выработке собственной позиции Балканской коммунистической федерации (БКФ) на заседании ее президиума 20 января 1925 г. Эта позиция включала следующие положения: свержение узурпаторского режима Зогу, независимая албанская республика, «отказ от любого открытого или завуалированного вмешательства» извне в политику Албании и самое главное — «национальное объединение всех областей, население которых в своем большинстве является албанцами» (конечно, имея в виду создание надгосударственной Балканской федерации). Имело место короткое замешательство, выразившееся в противоречивых решениях Балканской комиссии ИККИ / ЦК РКП(б): «Курс на немедленное восстание в Албании считать нецелесообразным» (12 апреля), «Считать возможным и целесообразным назревающее изолированное восстание в Албании» (14 апреля). Однако уже 28 июля 1925 г. была занята взвешенная позиция: «Курс на восстание не держать и переговоров об этом не вести» [11, док. 173, с. 340; док. 211, с. 429; док. 212, с. 431; док. 252, с. 506].

Не случайно Ф. Ноли на встрече с Чичериным в Берлине 14 октября 1925 г. следующим образом понял позицию Москвы (со слов наркома из его письма своему заместителю М. М. Литвинову): «Мы запрещаем ему устроить революцию». На это Чичерин дал весьма мутное объяснение: «Мы не можем брать на себя оказание поддержки такой революции, ибо это не так просто», имея в виду угрозу вмешательства со стороны Н. Пашича или Б. Муссолини. Вопрос о восстании в Албании продолжал муссироваться в БКФ и в 1926—1928 гг., хотя негативное отношение к нему не менялось. Наконец, 3 мая 1928 г. политбюро ЦК ВКП(б) приняло неожиданное решение ликвидировать Балканскую комиссию и «прекратить активную работу советских органов на Балканах» (решительно возразили только член Исполкома Коминтерна Г. Димитров и Г. В. Чичерин) [11, док. 264, с. 529; док. 311 и примеч. 3, с. 646—647]. На ее месте возникла Балканская секция Коминтерна, располагавшая весьма скромными возможностями.

В самой Албании и в среде албанской эмиграции формировалось движение противников Зогу. В марте 1925 г. в Вене был образован Национально-революционный комитет (КОНАРЕ) во главе с Ф. Ноли. Его

платформа из четырех пунктов предполагала свержение Зогу, установление республики, проведение аграрной реформы (Албания была единственной из балканских стран, где она не была осуществлена, поэтому на юге страны начался исход мужского населения), восстановление этнических границ государства. В 1928 г. этот Комитет раскололся на две новые организации — «Члирими националь» («Национальное освобождение»), поддерживавшая связи с Коминтерном, и «Башкими комбтар» («Национальное единение»), занимавшая ультраправые позиции. Самая крупная антигогистская структура — «Тайная организация» — возникла в апреле 1934 г. в Тиране, создав сеть филиалов на юге Албании. В августе 1935 г. она подняла восстание в г. Фиери (к северу от Влёры), которое тут же было жестоко подавлено. (Восстание получило высокую оценку Балканской секции Коминтерна, рассмотревшей его уроки на своем заседании в декабре 1936 г.). Новое восстание прошло в мае 1937 г. в Дельвине. Им руководил бывший друг и соратник Зогу, недавний министр внутренних дел, а в момент выступления начальник жандармерии Гирокастры Эхтем Тото. Но и оно было быстро подавлено. Наделав много шума в Европе, эти восстания не имели серьезной политической базы. В историографии бытует мнение, что Зогу I мог удерживаться у власти только потому, что ему не было замены. В самой стране организованная оппозиция не сложилась, а противники режима в эмиграции были разобщены [14, с. 143, 146, 158—166].

На международной арене за влияние на Албанию соперничали Великобритания, Италия и Югославия. Итальянский делегат в Лиге наций следующим образом охарактеризовал в 1926 г. отношения между ними: «Албания — это служанка-госпожа двух хозяев с неким любовником, маячащим в отдалении». Однако Италия все более определенно побеждала в этом соперничестве. В ноябре 1926 г. был заключен италоалбанский Договор о дружбе и безопасности (1-й Тиранский пакт), подготовивший условия для полного протектората над Албанией. В ответ на легкие возражения Н. Чемберлена по поводу пакта в личном послании Б. Муссолини последний дал резкую отповедь: «Албания является вопросом жизни для Италии. Допустила бы Англия дискуссии насчет Гибралтара, Мальты, Суэца? Нет. Для Италии Албания имеет аналогичную ценность...» В ноябре 1927 г. был подписан новый двусторонний документ — Договор об оборонительном союзе (2-й Тиранский пакт), который фактически лишил Албанию политической самостоятельности, превращая ее в плацдарм Италии на Балканах и в сырьевой придаток (вся албанская нефть в сыром виде вывозилась через Влёру на неф-

тезаводы Венеции и Фиуме). Итальянская политика «медленного давления и резкого скачка» имела в Албании полный успех. Влияние Италии чувствовалось во всем. При содействии Ватикана православная буржуазия Южной Албании («корчинская плутократия») помогла албанской православной церкви объявить в 1929 г. автокефалию от Константинопольской патриархии (признана Святым синодом только в 1937 г.). Попытки Албании в первой половине 1930-х гг. ослабить итальянские объятия потерпели крах и закончились заключением в марте 1936 г. кабальных соглашений с Италией в экономической области [14, с. 135, 138—142, 150—151, 164, 170].

Греция также прилагала усилия к налаживанию своих отношений с Тираной. В 1937 г. ей удалось добиться автономии для греческой церкви в Албании. На празднование 25-летия независимости в Албанию прибыла греческая делегация, и газеты писали о горячем приеме. Однако, как отмечалось в годовом отчете советского полпредства в Греции за 1937 г., «в действительности этот прием не был так горяч и албанцы отнюдь не проявляют большого энтузиазма к дружбе с Грецией» [1, л. 54].

В сентябре 1933 г. в Риме был подписан советско-итальянский Договор о дружбе, ненападении и нейтралитете (назван так по инициативе Муссолини, с чем политбюро ЦК ВКП(б) согласилось в специальном постановлении) [9, док. 165—166, с. 330—332]. На этом фоне в сентябре 1934 г. произошло восстановление советско-албанских дипломатических отношений, но оно осталось формальным актом и не привело к активизации связей. Полноценное же «возвращение» СССР на Балканы произошло только весной 1939 г., начавшись с Болгарии.

После итало-эфиопской войны 1935—1936 гг. и официального признания европейскими государствами включения Эфиопии в состав итальянской фашистской империи, а также Берлинского протокола о сотрудничестве от 25 октября 1936 г. («ось Берлин—Рим»), относившего к сфере влияния Италии Балканы и Средиземноморье, настала очередь Албании. Вынужденное согласие Муссолини на аншлюс Австрии в марте 1938 г. укрепляло позиции Италии на Балканах. Однако угроза прорыва Германии к Адриатике заставляла Рим окончательно закрепиться на албанском плацдарме. Напряженность в итало-албанских отношениях, возникающая в период судето-богемского кризиса летом 1938 г., не спала и после Мюнхенского соглашения. Дипломатическая и военная подготовка захвата Албании, которую возглавил министр иностранных дел и зять Муссолини Галеаццо Чиано, перешла в конце года в практическую плоскость.

Б. Муссолини был уверен в попустительстве со стороны Франции, Англии и Греции, но опасался реакции Югославии. Поэтому он поручил Чиано провести переговоры с югославским премьером М. Стоядиновичем, которые прошли 18—23 января 1939 г. Стороны быстро пришли к взаимопониманию. Белграду было указано на его выгоды, получаемые за согласие на итальянскую оккупацию страны: приращения на севере Албании (в районе Скадарского озера); устранение албанского центра, который «непрерывно разжигает волнения в Коссове»; итальянская поддержка выхода Югославии в Средиземное море «путем занятия Салоник». Югославский принц-регент Павел был еще более сговорчив, так как побаивался получения слишком больших албанских территорий с дополнительным беспокойным населением. В результате этих бесед, по словам Чиано, «лед, который окружал албанскую проблему, сломан». Рим же заручился согласием Белграда на решение задачи, которая воспринималась им как основная: «...окончательное занятие прежде всего стратегической позиции на Балканском полуострове» [15, док. 99, с. 167—169]. Однако уже 4 февраля кабинет Стоядиновича ушел в отставку, поэтому интрига стала развиваться без Югославии и, как показали события, даже против нее.

25 марта 1939 г. Тиране был предложен проект договора о фактическом установлении итальянского протектората над Албанией. После затяжек со стороны Зогу Муссолини потребовал в форме ультиматума выполнения условий договора. Это произошло 5 апреля — в день появления на свет у албанской королевской четы наследника — Леки I. Король, не решившийся ни принять ультиматум, ни отклонить его, с семьей и государственной казной бежал через Северный Эпир в Грецию. Правительство, следовавшее его примеру, распалось. На рассвете 7 апреля, в страстную пятницу, 40-тысячный итальянский корпус высадился в портах Центральной Албании — Шенгини, Дурресе и портах Южной Албании — Влëре, Саранде. После беспримечной бестолковщины в управлении войсками итальянцы 10 апреля все же завершили оккупацию всей страны. Видный итальянский дипломат Ф. Анфузо так прокомментировал эту победу в своих мемуарах: «Десант в Албанию был осуществлен со столь детским дилетантизмом, что будь у короля Зогу хотя бы одна хорошо обученная пожарная команда, он сбросил бы нас в море». Уже 12 апреля спешно созванная Конституционная ассамблея единодушно утвердила «личную унию» Албании и Италии. Накануне голосования Г. Чиано провел серию встреч с депутатами и каждому вручил конверт с албанскими франками. В дневнике же он записал: «Не-

зависимой Албании больше не существует». Кабинет сформировал Шефкет Верляци. Одним из первых его актов стало решение о выходе из Лиги Наций. Чиано удостоился высоких наград и даже добился того, что красивейший южно-албанский город Саранда был переименован в Порто-Эдда — в честь его жены. Итальянский король Виктор Эммануил III «даровал» Албании 3 июня 1939 г. новую конституцию (так никогда и не одобренную ни одним албанским учреждением). Бывший итальянский посланник в Тиране Франческо Якомони ди Сан-Савино стал королевским наместником [14, с. 175—180; 13, с. 270]. Так в обстановке постоянно нараставшего общеевропейского политического кризиса прекратилось существование одного из самых молодых государств Европы.

Советский полпред в Лондоне И. М. Майский отметил в своей телеграмме в НКВД 8 апреля: «Действия Италии в Албании окончательно испортили английским министрам пасхальные каникулы. Сегодня Чемберлен вернулся из Шотландии, где собирался удить рыбу, и весь день в его резиденции идут заседания и совещания» [4, док. 257, с. 365]. В дневнике 11 апреля Майский записал: «Галифаксу не удалось-таки уехать в свое имение! 7-го утром итальянцы повели атаку на Албанию, а к сегодняшнему дню король Зогу уже превратился в беглеца-изгнанника» [7, с. 371]. Советский полпред в Берлине А. Ф. Мерекалов в письме наркому 12 апреля дал оценку: «События идут быстро. Карта Европы продолжает меняться, на сегодня уже нет Албании. Встает вопрос — кто на очереди? ...захват Албании усилил угрозу со стороны “оси” Балканским государствам» [5, док. 214, с. 268]. В Лондоне и Париже осознавали опасность расширения фашистской агрессии. Однако и Н. Чемберлен, и Э. Даладьё фактически поддержали итальянскую акцию. Единственным реальным противодействием можно считать предоставление ими 13 апреля гарантий безопасности Греции и Румынии [6, док. 38—39, с. 69]. При всем оттенке опереточности, который лежал и на самом захвате Албании, и на дипломатических оценках этого события, оно имело серьезные последствия для ситуации на Балканах и во всей Европе. Фашистский блок получил геополитический перевес и стратегическую инициативу, так как были нарушены условия англо-итальянского соглашения от 16 апреля 1938 г. о сохранении статус-кво в бассейне Средиземного моря.

Советская дипломатия не обошла молчанием албанскую проблему. И. М. Майский, председательствовавший на заседании Совета Лиги Наций, 22 мая 1939 г. попытался внести вопрос об итальянской агрес-

сии против Албании в повестку дня, на почве чего у него произошел «довольно острый конфликт» с генеральным секретарем Лиги Наций Ж. Авенолом. Последний, сообщив о наличии переписки с Зогу, фактически собрался сдать ее в архив. Однако Майский заявил, что Лига Наций «не может просто пройти мимо итальянской агрессии в Албании», и предложил всю документацию передать ближайшей Ассамблее. Авеноль «был шокирован», делегаты других стран «молчали с таким видом, как будто бы в зале заседания произошло что-то неприличное». Вступивший в диспут глава Форин офис Э. Галифакс склонил дело к тому, чтобы не ставя албанский вопрос в повестку дня Ассамблеи, просто направить ей все материалы, чем похоронил проблему [7, с. 398]. Так в условиях нараставшего кризиса прекратило существование одно из самых молодых европейских государств, а албано-греческий территориальный конфликт перешел в новое измерение.

С началом Второй мировой войны положение Албании не изменилось, так как Италия заняла позицию временной «невовлеченности». Однако, боясь опоздать к разделу Европы, Муссолини за несколько дней до капитуляции Франции объявил ей войну. Далее в повестку дня стали планы нападения либо на Югославию, либо на Грецию. К осени 1940 г. было выбрано греческое направление, а в итальянской печати прямо заявлялось о необходимости передачи в руки Албании (где уже находилось 125 тыс. итальянских войск) греческого района Янины [17, с. 161]. Эта территория Южного Эпира имела значительное албанское население — чамов. В Албании была развернута пропаганда в поддержку ее претензий на Чамерию, выдвигалась версия о защите албанских интересов от греческих посягательств, звучали призывы освободить братьев-чамов. Требование о присоединении Чамерии к Албании публично поддержал Г. Чиано в своем выступлении в южно-албанском городе Корче [13, с. 350].

Германия, которая 10 октября ввела свои войска в Румынию и разместила их на нефтепромыслах и в дельте Дуная, не уведомила об акции итальянского союзника. Возмущенный этим Муссолини решил отплатить Гитлеру той же монетой, заявив графу Чиано: «...он узнает из газет, что я оккупировал Грецию» [14, с. 185]. Советская дипломатия хорошо понимала геостратегические возможности Италии для давления на Грецию. Полпред СССР в Афинах Н. И. Шаронов еще в марте 1938 г. сообщал, что Додеканезы с их морскими базами и Адриатическое побережье Италии «являются тискаами, зажавшими Грецию с двух сторон и держащими ее в страхе» [1, л. 48].

28 октября 1940 г. 100-тысячная итальянская армия под предлогом освобождения угнетенного албанского меньшинства в Северном Эпире вторглась в Грецию со стороны Албании, наступая в двух направлениях — на города Янину и Флорину. В военной кампании принял участие и 12-тысячный вспомогательный албанский контингент. Правительство Ш. Верляци объявило войну Греции, став соучастником фашистской агрессии. Однако уже на второй день наступление захлебнулось. Авантюрные сепаратные действия Муссолини вызвали гнев Гитлера, который рассчитывал более основательно подготовиться к балканской кампании. В середине ноября греческие войска, численность которых составляла 35 тыс. чел., перешли в контрнаступление, а военные действия стали разворачиваться уже на албанской территории. В конце ноября — начале декабря греки взяли североэпирские города Корча (Корица), Саранда (Айя Саранда), Гирокастра (Аргирокастрон), продолжая наступление до января 1941 г. На горизонте замаячила старая «Мегалэ идэя» — идея «Великой Греции» с присоединением Северного Эпира. Это частично подтвердилось дальнейшими действиями Греции, где «режим 4 августа» (установленная в 1936 г. единоличная диктатура генерала И. Метаксаса) активно насаждал общегосударственную идеологическую концепцию «Третьей эллинской цивилизации» [17, с. 150—151, 163—164].

В это время в Берлине завершалась разработка плана «Барбаросса», и в Москву по разным каналам начало поступать огромное количество предупреждений о готовящемся нападении Германии на Советский Союз. Один из документов уместно здесь упомянуть. В декабре 1940 г. полпред в Берлине В. Г. Деканозов сообщил Молотову (а тот передал материал для сведения Сталину) о получении анонимного письма на немецком языке. Оно содержало сообщение о планах Гитлера напасть на СССР «будущей весной» и разработке двух планов окружения и уничтожения Красной Армии, как и во Франции, по руслу рек — атакой от Люблина по Припяти на Киев, а также атакой из Восточной Пруссии по Березине и Днепру на Киев. Казалось бы, этот документ касается больше Беларуси и Украины, но в конце письма имелась актуальная фраза: «Из Албании хотят отрезать СССР от Дарданелл» [16, док. 204, с. 440—441].

В начале весны 1941 г. провалилось широко разрекламированное новое итальянское наступление против греков на албанском фронте. В Берлине злорадствовали по поводу неудач своего итальянского союзника. Начальник Генштаба сухопутных войск Германии генерал-пол-

ковник Ф. Гальдер 3 марта 1941 г. зафиксировал в дневнике мнение начальника штаба оперативного руководства вермахта, главного военного советника Гитлера по оперативно-стратегическим вопросам генерала А. Йодля: «Никакого давления на дуче в связи с наступлением итальянцев в Албании фюрер пока

оказывать не будет. Пусть итальянцы обожгут себе нос» [3, с. 387]. Однако рано или поздно Германии предстояло помочь своему обанкротившемуся союзнику. Переворот 27 марта 1941 г. в Югославии, устранивший прогерманский кабинет Д. Цветковича, ускорил развитие событий. 6 апреля Германия напала на Грецию и Югославию. Греческие войска почти без боев отступили из Албании. Последней прекратила сопротивление Эпирская армия генерала Г. Цолакоглу. Так закончилась продолжавшаяся более семи месяцев военная кампания Италии и две недели — Германии, против Греции. С ее оккупацией страны фашистской «оси» завершили целую полосу территориальных захватов и переделов в Европе.

Капитулировавшая 21 апреля Греция была поделена на оккупационные зоны. Под власть итальянского наместника в Албании перешли Чамерия (Южный Эпир), большая часть Косово и Метохии, Западная Македония (Дебар и Струга), части Черногории (Улцинь, Тузи, Гусинье, Плав, Рожай). Заветные мечты албанских националистов весьма прихотливым образом, но претворились в жизнь, что дало возможность Тиране говорить о создании «Великой Албании» [8, с. 138]. Тем самым обе части Эпира — и албанская, и греческая — оказались вплоть до капитуляции Италии в 1943 г. под ее фактическим контролем, а в 1943—1945 гг. входили в германскую зону оккупации.

Способность СССР реализовывать свои интересы на Балканах вообще, а тем более на их западном побережье в рассматриваемый период неуклонно сокращалась. В начальный период Второй мировой войны из-за крупных геостратегических поражений советской дипломатии в 1940 г. — первоначально на северных подступах к Балканам (решение в августе без учета советских интересов второго Венского арбитража о разделе Трансильвании между Венгрией и Румынией), а затем и на их восточном побережье (окончательный проигрыш Берлину в ноябре, схватки за контроль над Болгарией и Проливами), эта способность исчезла как таковая. В кардинально изменившихся условиях антигитлеровской коалиции СССР обрел новую мотивацию и принципиально иные способы реализации своих национально-государственных интересов на балканском направлении.

ЛИТЕРАТУРА

1. Архив внешней политики РФ (АВПРФ). Ф. 05 (Секретариат М. М. Литвинова). Оп. 18. П. 142. Д. 62 — Записи бесед с иностранными представителями, годовые отчеты полпредств.
2. АВПРФ. Ф. 06 (Секретариат В. М. Молотова). Оп. 6. П. 14. Д. 149 — Материалы Комиссии Литвинова.
3. *Гальдер, Ф.* Военный дневник. Ежедневные записи начальника Генерального штаба сухопутных войск 1939—1942 гг.: в 3 т. / Франц Гальдер. М. : Воениздат, 1968—1969. Т. 2: От запланированного вторжения в Англию до начала Восточной кампании (1. 7. 1940 — 21. 6. 1941). 1969. 628 с.
4. Год кризиса, 1938—1939. Документы и материалы: в 2 т. / редкол.: А. П. Бондаренко [и др.]. М. : Политиздат, 1990. Т. 1: 29 сентября 1938 г. — 31 мая 1939 г. 555 с.
5. Документы внешней политики СССР. 1939. Т. XXII / редкол.: В. Г. Комплектов [и др.]: в 2 кн. Кн. 1: январь — август. М. : Международные отношения, 1992. 712 с.
6. Документы и материалы кануна Второй мировой войны. 1937—1939: в 2 т. / редкол.: А. П. Бондаренко [и др.]. М. : Политиздат, 1981. Т. 2: январь — август 1939 г. 415 с.
7. *Майский, Иван Михайлович.* Дневник дипломата. Лондон, 1934—1943: в 2 кн. / Иван Михайлович Майский. М. : Наука. (Научное наследие; Т. 33: в 2 кн.). Кн. 1: 1934 — 3 сентября 1939. 2006. 531 с.
8. *Милё, П.* «Великая Албания»: фикция или реальность? / Паскаль Милё // Албанский фактор кризиса на Балканах: сб. науч. тр. и ст. / Е. Ю. Гуськова (отв. ред.) [и др.]. М. : РАН; ИНИОН, 2003. С. 133—155.
9. Москва — Рим: политика и дипломатия Кремля, 1920—1939. Сб. документов / отв. ред. Г. Н. Севостьянов. М. : Наука, 2002. 483 с.
10. Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции (в документах центральных российских архивов начала — середины 1920_х годов): в 2 ч. / под ред. Р. П. Гришиной. М. : Эдиториал УРСС : РОССПЭН, 2000—2003. Ч. 1. 2000. 304 с. 11. Национальный вопрос на Балканах через призму мировой революции: В документах центральных российских архивов начала — середины 1920_х годов: в 2 ч. / под ред. Р. П. Гришиной. М. : Эдиториал УРСС : РОССПЭН, 2000—2003. Ч. 2: Июнь 1924 г. — декабрь 1926 г. 2003. 688 с.
12. *Сальков, А. П.* Северный Эпир (Южная Албания): исторические корни конфликта в контактной зоне греческой «Мегалэ идэи» и идеи «Великой Албании» (середина XIX в. — 1921 г.) / А. П. Сальков // Працы гістарычнага факультэта БДУ / У. К. Коршук (адк. рэд.) [і інш.]. Вып. 5. Мінск : БДУ, 2010. С. 199—213.
13. *Семиряга, М. И.* Коллаборационизм. Природа, типология и проявления в годы Второй мировой войны / М. И. Семиряга. М. : РОССПЭН, 2000. 863 с.
14. *Смирнова, Н. Д.* История Албании в XX веке / Н. Д. Смирнова. М. : Наука, 2003. 431 с.
15. СССР в борьбе за мир накануне Второй мировой войны (сентябрь 1938 г. — август 1939 г.). Документы и материалы / редкол.: А. А. Громыко [и др.]. М. : Политиздат, 1971. 736 с.
16. 1941 год: в 2 кн. / Л. Е. Решин (сост.) и [др.], В. П. Наумов (ред.). М. : Международный фонд «Демократия», 1998. («Россия. XX век. Документы»). Кн. 1. 832 с.
17. *Улуян, Ар. А.* Политическая история современной Греции. Конец XVIII — 90-е гг. XX в. / Ар. А. Улуян. М. : ИВИ РАН, 1998. 331 с.